

ИНТЕРВЬЮ

Кто коллекционирует искусство в Беларуси?

f t vk in t y q

Мы у себя в редакции коллекционируем шутки, пустые бутылки от вина (через неделю приходит уборщица и уносит нашу коллекцию) и письма читателей. Но есть в Минске и настоящие, как в старом европейском кино, коллекционеры. Мы встретились с тремя из них.

Сергей Костюченко, председатель правления ОАО «Приорбанк»

— В нашей коллекции более 600 работ, и по объему и глубине я считаю ее одной из лучших в Беларуси за последнюю четверть века. Но вообще картины, которыми владеет наш банк, я бы не называл коллекцией. Коллекция — это систематизированное по какому-либо признаку собрание. То, что есть у нас, скорее, «картины белорусских художников-современников, пишущих маслом на холсте». У нас нет какой-либо направленности, концепции. Мы не привлекаем экспертов, помогающих с выбором работ, так как есть неудачный опыт общения с профессиональными искусствоведами.

Как правило, мы приобретаем картины непосредственно у мастеровских у белорусских художников, и обязательное условие для их покупки — это определенного рода эмоции, которые должна рождать конкретная работа. Я чувствую энергетику людей и вещей. Необходимый критерий выбора картин — позитивная энергетика. Вчера мы, например, отказались от картины известного художника только потому, что она не несет в себе эту позитивную энергию. Я и мои коллеги смотрим на картину и говорим «да», а если сомневаемся, то берем ее на недельку. Она стоит в офисе, мы ее оцениваем и таким образом осуществляем отбор — только руководствуясь внутренними ощущениями. Поэтому мы и не претендуем на звание «коллекция». Нам картины приносят радость и эстетическое удовольствие. Все полотна висят в помещениях банка: в коридорах, холлах, в кабинетах на рабочих местах. Мы трудимся среди произведений искусства. Одновременно это поддержка белорусских талантов, цвета нации. У нас мало великих спортсменов, потому что у белорусов мало адреналина в крови. А художников хороших у нас хватает.

Отели уже есть, появятся мишленовские рестораны, станут востребованы белорусские художники. Тогда Беларусь будет ассоциироваться не с полесскими болотами и толерантными людьми, а с Хаимом Сутиным и Марком Шагалом.

художниками. В детстве я учился рисовать, мой брат Александр — главный художник Большого театра оперы и балета, а его сын — известный скульптор Константин Костюченко, автор мемориала в Тростенце.

Самые дорогие работы, за которые мы платили, — это картины Мая Данцига. Мы не тратим много денег на одну картину — не больше десяти тысяч долларов, но у нас есть работы В. Цвирко, Н. Селищука, А. Кищенко, которые, если когда-то кто-нибудь будет их оценивать, будут стоить серьезных денег.

Мы не участвуем в аукционах, не интересуемся работами «великих белорусских художников». Я люблю веселые картины, и многие известные художники, которых я знаю и знал, веселые люди. Получаю массу впечатлений от общения с ними. Все разные — и все интересные. Мой любимый белорусский художник — витебчанин Олег Крошкин. В моем кабинете висит работа «Покинутый дом» авторства Геннадия Дроздова, она со мной уже лет двадцать.

Достоинство и недостаток многих белорусских художников — их аутентичность. Поскольку большинство редко бывает за пределами Беларуси, они пишут ровно так, как их научили в Академии искусств. Вторая проблема — они переоценивают стоимость своих работ. Если бы они съездили в галерею в Гааге, Берлине или Вене, то увидели бы: аналогичные по уровню работы стоят там много дешевле. Это относится к молодым начинающим «мастерам».

Чтобы в Беларуси появился арт-рынок, должна вырасти покупательская способность населения. Купив джинсы, квартиру, RAV4 и съездив в Турцию, он начнет думать о том, что хорошо бы, чтоб на стене висела картина, что это «модно». Кроме того, необходима соответствующая государственная поддержка.

В свое время заурядный промышленный центр северной Испании город Бильбао превратили в одно из привлекательнейших мест Европы. Удалив из центра заводы, склады, порт, облагоустроив набережную реки Нервьон, там построили парки, зоны развлечений, современные отели и в центре всего этого — филиал Нью-Йоркского музея Гугенхайма. Здание музея, спроектированное знаменитым архитектором Фрэнком Гери, привлекает сегодня миллионы туристов — любителей искусства со всего мира.

Сегодня существуют все возможности для того, чтобы развивать Минск как художественный центр с давними традициями. Этому способствуют и современные тенденции в мире: меняются ценности, люди больше тратят на ощущения и путешествия, нежели на вещи. В целом население планеты хоть и стареет, но остается активным. Кроме того, информация становится все более доступной, а коммуникация — открытой.

Стремительно богатеют народы Азии и Латинской Америки, откуда тоже можно ожидать туристов в Беларусь. На базе завода им. Кирова есть возможность создать музей Марка Шагала, а с ним — музей колыбели еврейской государственности; музей Советского Союза; современного искусства; Великого Княжества Литовского и так далее. Экспонаты возьмем у собственников или крупных музеев во временное пользование. Отели уже есть, появятся мишленовские рестораны, станут востребованы белорусские художники. Тогда Беларусь будет ассоциироваться не с полесскими болотами и толерантными людьми, а с Хаимом Сутиним, Марком Шагалом, Маем Данцигом, Евсеем Моисеенко, братьями Алексеем и Сергеем Ткачевыми, Романом Заслоновым, Борисом Заборовым.

Евгений Ксенович, куратор художественных и музыкальных проектов

— Это было веселое время: перестройка, 80–90-е годы. Ренессанс! Я тогда жил в Москве, Петербурге. Мог видеть прекрасные произведения искусства на выставках. Познакомился со многими интересными людьми культуры и, само собой, начал приобретать произведения живописи. Сначала, как и все, покупал картины известных художников — тех, кто есть в учебниках. А потом решил обратить внимание на современников. В середине 90-х занялся художниками второй волны белорусского авангарда, познакомился с ними: Леша Жданов, Гена Хацкевич, Владимир Акулов, Виталий Чернобрисов, Анатолий Ржеутский и другие. Они сильные и яркие, очень талантливые. Я думаю, скоро эти люди будут знамениты так же, как и первая волна авангарда: Малевич, Ермолаева, Лисицкий и другие. Одна из моих удач — то, что я вовремя понял, что вторая волна белорусского авангарда — серьезное направление в искусстве. Мимо белорусского авангарда многие проходят спокойно, не купят такую картину и за пять долларов, не повесят дома. А я в это верю, вкладываю свое время и интеллект, свою жизнь.

Коллекционирование — это в какой-то мере одержимость, инстинкт цели и полноты жизни.

Я застал и художников старого поколения: Антон Бархатков, Павел Масленников, Раиса Кудревич, Адольф Гугель и другие. Но их главных работ уже не было: картины находились или за рубежом, или в музейных коллекциях. Создать коллекцию высокого уровня было нереально.

Каким количеством работ я владею? Картины — не пирожки на базаре. Есть хороший ответ: их число достаточное для того, чтобы сделать имя и отдельному художнику, и целому направлению. Коллекционирование для меня — не выгодная инвестиция, а дело, которое мне нравится. Инвестицией это может быть, например, в том случае, если я или такие люди, как я, раскрутят художника, поднимут его на щит, сделают знаменитым. Это огромная работа, и я сейчас ею занимаюсь: организую выставки, пишу статьи (в том числе в «Википедии»), веду страницы в соцсетях. Аудитория «ВКонтакте» больше, чем «Первого канала». Нельзя быть недалёковидным и игнорировать какую-то сеть — «Одноклассники», например. Никто не знает, как они будут развиваться дальше.

Сколько стоят сегодня картины в моей коллекции? То же самое, что спросить у родителей: «Во сколько тебе обошелся твой сын?» Только примитивному человеку будут интересны цифры. Конечно, случаются чудеса: книгу XVII века из магнатской коллекции я купил в питерской лавке за 100 долларов, а настоящая ее цена — десятки тысяч долларов. Но зачастую коллекционер при жизни не успевает получить финансового вознаграждения за свои труды. Обычной жизни не хватает. Деньг после вложений коллекционер может никогда и не дожидаться — все имеют право на ошибку. Коллекционирование — это в какой-то мере одержимость, инстинкт цели и полноты жизни. Важная характеристика личности! Я знал коллекционера, который жил в ужасных условиях, не позволял себе ничего, кроме кефира и батона, но после смерти оставил 80 кг шикарного серебра уровня Оружейной палаты. Знал коллекционера, который ездил на трамвае, но имел уникальную коллекцию картин и книг: они стоили десятки тысяч долларов — а на себя он и пять боялся потратить.

Я воспитываю сына, который, надеюсь, будет моим продолжателем в деле коллекционирования. Ему четыре с половиной года, уже большой мальчик. Ходит на выставки, интересуется белорусским искусством, многих художников знает лично. Пока что собирает модели машинок. Предполагаю, что моя коллекция достанется или сыну, или на ее базе я сам сумею сделать музей. Главное, чтобы картины оставались в Беларуси.

В Минске сегодня на тысячу огромных домов, тысячу дорогих машин покупается одна дешевая картина за 50 долларов, а норовят ее купить за пять. Наша денежная публика не считает модным ходить в музеи, посещать выставки. Люди ходят на хоккей, концерты Филиппа Киркорова. Я знаю белорусов, у которых есть залы охотничьих трофеев, бассейны по 25 метров, по шесть машин в гаражах. Картины не купят и в страшном сне. Это первое поколение белорусов, которое обзавелось случайными деньгами. День и ночь занимаются бизнесом, не остается ни времени, ни сил на искусство и собственное образование. Элементы престижа для них — часы, брендовая одежда, тачка. В Беларуси, по сравнению с Россией и Украиной, представители среднего бизнеса гораздо чаще покупают картины, чем представители так называемой элиты.

В Беларуси тоже все поменяется, и искусство, как и везде в мире, будет востребовано. В Литве, например, художниками 80–90-х уже активно занимается МИД. Минск обычно отстает на пятнадцать — двадцать лет. Единичные люди из бизнеса интересуются именно современной живописью. Шишкин всем понятен — это красиво, убедительно, есть в книжках. А чтобы понимать современное искусство, нужно более глубокое образование.

В целом коллекционеры — это всегда очень узкий круг интеллигентных людей. У нас хорошие отношения, потому что мы акционеры одного дела — компании под названием «белорусское искусство». Поддерживаем друг друга, считаем себя представителями одной касты.

Большое влияние на меня как коллекционера оказала личность Георгия Дионисовича Костаки, который одним из первых начал собирать и продвигать представителей русского авангарда — еще в те времена, когда он был никому не нужен.

Кураторство, как и коллекционирование, также важная часть моей жизни. В прошлом году как куратор я провел шесть масштабных выставок. Ведь без выставок никто не будет знать художника. Выставки делают им имя. Кроме того, кураторство предопределяет развитие того или иного направления в современном искусстве. Сегодня кураторами открываются новые имена и в музыке, и в живописи.

Помимо живописи, я собираю миниатюрные книги, а еще — галстуки. Галстуков у меня больше трехсот. Хороших, дизайнерских — именитых университетов, олимпиад, всяких карденов. Но главный мой ресурс и удача — это мое окружение, мои знаменитые друзья и знакомые.

Андрей Плесанов, художник, музыкант

Перечень фамилий художников, которые есть у меня в коллекции, может занять страницу: Смоляк, Селищук, Щемелёв, Чертович, Назаров, Тихонов, Малишевский, Хацкевич, Сазыкин, Иванов и еще где-то около четырехсот имен. Мне нравятся многие молодые художники — Некрашевич, например. Но, к сожалению, картинами молодых художников моя коллекция пополняется крайне редко, и на это есть причины. Дело в том, что все работы я не покупал, мне их дарили сами авторы. В 1983 году первый, кто написал картину в мою серию «Мастерская художника» был Николай Селищук, за ним последовали Мартынич, Малишевский, Хацкевич. Я давал художникам холсты, подрамники, озвучивал тему — мастерская художника, его мир, его святое место, где он проводит почти все свое время. Дальше все эти картины мне дарились, а первую официальную выставку серии «Мастерская художника» я сделал в 1987 году. Потом я начал собирать обнаженную натуру — таким же образом: холст, подрамник, тема. В итоге у меня более двухсот картин с этим сюжетом в коллекции. Молодые же не хотят дарить работы, они уже крутые, кто-то продал картину за большие деньги, считает себя известным и без оплаты ничего не делает. Молодых я отмечаю для себя на выставках. Вот Кондрусевич, например, очень интересный художник, Селиханов хороший скульптор. Но моя эпоха кончилась, раньше мне дарили, сейчас пытаются продавать.

Ажиотажа вокруг меня среди художников нет, многие понятия не имеют, кто я. Коллекционер — это бренд. Как труппа играет короля в театре, так художники делают коллекционера. Старшее поколение относилось ко мне с уважением, могло подарить мне картину, просто потому что она приглянулась мне в мастерской. Но они и отдачу от этого получали. Друзья приходили ко мне домой, видели полотно, спрашивали телефон художника и потом ехали к нему и покупали. Некоторые произведения я отвозил в подарок известному российскому коллекционеру Леониду Талочкину.

Проблема в том, что у нас директор бани может стать директором театра.

Завидовать собраниям других белорусских коллекционеров я не могу. Подозреваю, что такой коллекции, как у меня, нет ни у кого. Речь идет не о количестве картин, но о количестве художников. Часть художников из моей коллекции через лет сто будут стоить серьезных денег. Я первый в Беларуси начал собирать авангард — с 1975 года. Были бы у меня соответствующие финансовые возможности, я бы пополнял коллекцию более быстрыми темпами. Например, есть коллекционер Маргарита Красневская, у нее огромное собрание реализма, есть свой каталог. Есть серьезный коллекционер Евгений Ксенович; я не могу сказать, сколько у него полотен и каких, могу только предположить. Знаю, что у него есть и моя картина. Есть такой человек — Александр Иванов, он открыл первую галерею в Минске в конце 80-х. В его собрании — много отличных художников: Владимир Цеслер, Дмитрий Суринович, Валерий Песин, Зоя Луцевич. Мы с ним выпили бочку водки, мы друзья, но живопись моя ему не нравится, моей картины в коллекции у него нет, однако это не мешает нам дружить.

Две-три тысячи за картину молодых авторов — это адекватная цена. Художники платят за мастерские, за материалы, а еще хотя бы воды попить хотелось бы, и поесть, и надеть на себя что-то. Мне, например, не стыдно уже лет сорок одеваться в секонд-хенде. Если посчитать, сколько физически я проел, сколько потратил своего времени и мозгов вместо

того, чтобы в это время заниматься чем-то другим, получится круглая цифра. И эти мозги и время стоят денег. Ценообразование картин не зависит ни от чего. Какую сумму бы ты ни назвал, картину или купят, или не купят.

К сожалению, в Беларуси нет нужного арт-рынка. Из серьезных начинаний есть, «Дом картин», например. Но пока меценатство не станет нормой, пока богатые люди не поймут, что искусство — это не просто что-то на стене, напоминающее корову или березки, что это может быть не просто симпатичным украшением, но и вложением денег, арт-перспективы у Беларуси никакие. Хотелось бы, чтобы нашлись меценаты или люди в Министерстве культуры задумались о том, что происходит с этой самой нашей культурой. Отдали бы, например, помещения магазина бытовой техники Музею современного изобразительного искусства, который находится по соседству. Проблема в том, что у нас директор бани может стать директором театра. Прокопцов, конечно, делает очень много для НХМ, но были бы в министерствах соответствующие кадры, стало бы лучше.

Я бы не завещал свою коллекцию музею. Они, музеи, этого не заслужили. В американских музеях есть моя живопись, а в минских, кроме Центра современных искусств, нет. Я бы хотел отвезти и показать свою коллекцию во Францию, в Германию.

Текст: [Евгения Сурик](#) [Основной язык сайта](#)

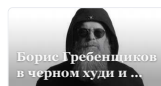
Фото: Максим Шумилин, Дмитрий Кужальков

Теги: [искусство](#) [коллекционер](#)

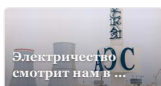

Комментарии

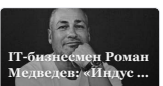
ALSO ON BOLSHOI.BY

Борис Гребенщиков в черном худи и ...
2 года назад • 1 comment
Поэт, музыкант и основатель «Аквариума» Борис Гребенщиков ...

Электричеством смотрит нам в ...
3 года назад • 3 comments
В 2019-м в Беларуси будет включена БелАЭС. Электричества станет ...

IT-бизнесмен Роман Медведев: «Индус ...
2 года назад • 1 comment
Роман Медведев рассказывает свою историю успеха.

Апока сегодня
2 года на
Колонк редакто

0 Comments [bolshoi.by](#) [Политика конфиденциальности Disqus](#) [Войти](#)

[Favorite](#) [Твитнуть](#) [Поделиться](#) [Лучшее](#)

войти с помощью [или через DISQUS](#)

[D](#) [f](#) [t](#) [G](#)

Прокомментируйте первым.

Подписаться Добавить Disqus на свой сайт Do Not Sell My Data **DISQUS**

ПЕРВАЯ ПОЛОСА

Максим Кубарко:
«Направление движения
выбирают технологи, а не
режиссеры»

**Смена руководства Bosch в
Беларуси и результаты
2019 года**

Энрико Морриконе:
«Невозможно спасти плохой
фильм хорошей музыкой»

Джордж Орузелл: «Люди
порядочны только тогда,
когда они бессильны»

**Сооснователь компании
SATIMA Виктор Галоненко:**
«Близкая поправка —
натурально? Натурально,
но бесполезно»

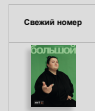
**Меняем привычки вместе с
VELO**

О ПРОЕКТЕ

- О нас
- Рекламодателям
- Спецпроекты
- Контакты

РАЗДЕЛЫ САЙТА

Life-shot	Интервью
Деньги	Моторы
Культура	Город
Власть	Спорт
Мир	Технологии

БОЛЬШОЙ

© 2010-2022. При использовании материалов ссылка на сайт «Большой» обязательна. Подробности [здесь](#).

Хостинг — [bojler.by](#)